

АКАДЕМІЯ ЛАЗУРНЫХЪ ГОРЬ ¹⁾.

Дензиля Элюта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ТОМЪ, КАКЪ ВОЗНИКЛА АКАДЕМІЯ ЛАЗУРНЫХЪ ГОРЬ.

Многимъ, отъ друга; и немногимъ
отъ друзей.

Нѣсколько словъ, для предисловія.

Some words, for many friends; And, A few words, for some friends. By a friend;
And, by a few friends ²⁾.

Вы помните: Академія, это былъ садъ подлѣ Аѳинъ; и, вѣроятно, вы помните, что такое былъ этотъ садъ въ славныя времена Аѳинъ, и пока были времена людей, мысли которыхъ сформировались въ тѣ времена. Впрочемъ, очень возможно и не помните, что такое былъ онъ тогда: это плохо помнить многіе извѣстные ученые, авторы переполненныхъ ученостью книгъ объ исторіи древней Греціи или греческой философіи. Но вы, вѣроятно, помните. А во всякомъ случаѣ, это легко припомнить.

Славныя времена Аѳинъ, вы помните, были: отъ Маратонской битвы до Пелопоннесской войны. Отъ начала этой войны до того года, когда Спартанцы, съ музыкальнымъ торжествомъ, при звукахъ флейтъ, разрушили стѣны Аѳинъ, прошло больше двадцати пяти лѣтъ. Аѳиняне скоро успѣли возстановить свою независимость. Но положеніе дѣлъ оставалось тяжелое для нихъ. Такъ прошло еще лѣтъ пятнадцать, — и начала блистать славой Академія: Платонъ сталъ преподавать въ ней свое ученіе. Это было больше, чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ миновали славныя времена Аѳинъ.

Въ славныя времена Аѳинъ, и пока были времена людей, образъ мыслей которыхъ установился въ славныя времена Аѳинъ, Академія не имѣла и не должна

¹⁾ Этотъ отрывокъ былъ приложенъ къ письму къ М. М. Стасюлевичу вмѣстѣ съ Гимномъ Дѣвъ Неба.

²⁾ Въ рукописи сдѣлана на поляхъ слѣдующая помѣтка:
„Разстановка знаковъ препинанія англійская, несходная съ русской. Тоже, и о большихъ буквахъ“.

была имѣть блеска. Въ тѣ времена, нельзя было сказать о ней ничего эффектнаго. Послѣ, мало и вспоминали о ней, тогдашней, неэффектной. И теперь, если бы вы хотѣли знать о ней много, это было бы желаніе несбыточное: ваши источники знанія о ней очень скудны. Но, хотя не безъ прибавки предположеній, — впрочемъ, совершенно простыхъ, и благодаря тому, или близкихъ къ истинѣ, или вовсе совпадающихъ съ нею, — вамъ можно имѣть, и, вѣроятно, вы имѣете, достаточно ясное понятіе о характерѣ и значеніи Академіи въ тѣ времена.

Садъ, Академія въ тѣ времена и была просто: садъ. Большой и хорошій, это правда; но обыкновенный тогдашній садъ, съ многочисленными, хорошими, просторными, открытыми свѣжему воздуху, свѣтлыми, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними, садовыми постройками; съ обширными, хорошими, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними приспособленіями и построекъ и самой мѣстности къ тому, для чего хорошо годятся сады, чему хорошо быть въ саду; и только. Обыкновенный садъ, просто, и, только. Хорошій, это правда. Но, обыкновенный. Не одинъ такой тогда; и, не болѣе хорошій, чѣмъ другіе такіе же. Но, хорошій. — Хорошихъ садовъ нельзя не любить; потому что хорошо, пользоваться ими: пріятно. Конечно, если пользоваться ими хорошо, какъ сообразно съ природою садовъ, какъ должно по здравому смыслу. — И Авиняне тѣхъ временъ любили свою Академію, какъ другіе тоже свои такіе сады; за то, что она хорошій садъ. Только. И, пользовались ею, какъ хорошимъ садомъ. Только. Пользовались хорошо, Какъ именно, — вы, по всей вѣроятности, знаете!

Въ тѣни аллеи и подъ навѣсомъ колоннадъ, весело готовились тамъ юноши къ трудамъ дѣль жизни играми, разумными и благотворными, какъ трудъ. Приходили туда гулять, отдыхать дѣды, отцы, возмужавшіе братья юношей. Они приходили: для прогулки, для отдыха; но — разумѣется: останавливались полюбоваться на игры своихъ милыхъ младшихъ. Останавливаясь, они хотѣли быть только зрителями, эти старшіе. Но изъ этихъ зрителей, солидныхъ людей, старшихъ, бывало, кто помоложе, увлекались, засматрѣвшись: принимались и сами играть вмѣстѣ съ юношами. Случалось это съ иными и старшими изъ старшихъ. По тогдашнему, это не было предосудительно, какъ не предосудительно это и нынѣ, по мнѣнію огромнаго большинства умныхъ и добрыхъ людей. — Вѣроятно, вы расположены думать: — „Да, изъ тѣхъ старшихъ, которые играли вмѣстѣ съ юношами, многіе начинали играть только засматрѣвшись. Но безъ сомнѣнія, были и такіе, даже между старшими изъ старшихъ, — которые прямо съ тѣмъ намѣреніемъ и приходили въ Академію, чтобы играть. И, конечно, они не скрывали того: по тогдашнему, въ томъ не было стыдно“. Ваше предположеніе совершенно справедливо.

И, играли, не стыдась, — и вообще, очень успѣшно, потому что отъ всей полноты усердія душевнаго, — вмѣстѣ съ сыновьями отцы, со внуками дѣды, у кого сохранилась свѣжесть силъ, и была охота.

А другіе старшіе, постоявши, посмотрѣвши, вспоминали, что пришли не за тѣмъ, чтобы стоять и смотрѣть; отходили въ другія аллеи, подъ другія колоннады, гдѣ нѣтъ шума и бѣготни. Любители ходить, прогуливались группами, чтобы разговаривать; для того, чтобы пріятнѣе шло время. — А тѣ, кому было довольно и той прогулки, что пришли въ садъ, располагались отдыхать, тоже группами, тоже, чтобы разговаривать; для того, чтобы пріятнѣе шло время. Гулявшіе, на-

гулявшими; игравшіе наигравшись, — присоединились къ отдыхающимъ. И, все шли, все оживлялись, разговоры въ увеличивающихся группахъ отдыхающихъ. Разговорами, вызывались рассказы; рассказы давали новые матеріалы для разговоровъ.

Такъ отдыхали, и пріятно шло время отдыха.

— „Пріятно шло время отдыха“; и будто бы, въ самомъ дѣлѣ только? Вопросъ важенъ. Говоря серьезно: въ самомъ дѣлѣ, только.

Серьезно говоря: въ самомъ дѣлѣ, только. Вы сами знаете, что такъ. Напрасно вы и спрашивали. Вы помните: то была Академія славныхъ временъ Аѳинъ и время людей, въ которыхъ оставался живъ духъ славныхъ временъ Аѳинъ.

Неглухие люди были Аѳиняне тѣхъ временъ. Но простые люди были они. Саду, слѣдуетъ ли быть садомъ? По своему нехитрому пониманію вещей, они полагаютъ: саду слѣдуетъ быть садомъ. И, садъ, ихъ Академія была въ самомъ дѣлѣ, садъ; мѣсто для развлеченій и для отдыха; не мѣсто ни для чего, мѣшающаго развлеченіямъ и отдыху; потому не мѣсто ни для педантства, ни для ученаго пустословія, ни для ученаго шарлатанства.

Вы знаете это. Вашъ вопросъ былъ напрасенъ.

Правда, во всякомъ многолюдномъ собраніи бываютъ люди, которымъ вовсе не зачѣмъ тутъ быть и которые, безъ особенной потери для пріятнаго общества, могли бы и не дѣлать ему удовольствія своимъ присутствіемъ въ немъ. И очень вѣроятно, что вы предполагаете: быть можетъ, посѣщаль иногда ту Академію какой-нибудь человѣкъ своеобразнаго характера, для котораго отдыхомъ было то, что для другихъ — утомительное занятіе. Быть можетъ, вы такъ добры къ нему, что думаете: онъ не былъ педантомъ. Если вы такъ думаете, вы, по всей вѣроятности, правы: педантовъ не терпѣла та Академія; а его, какъ вы сами предполагаете, она терпѣла. — Онъ былъ человѣкъ безъ претензій, — думаете вы: — и нельзя порицать Академію за то, что она терпѣла его. Но онъ долженъ былъ бы понимать, что такому человѣку, какъ онъ, не зачѣмъ проводить часы отдыха въ многолюдномъ собраніи. И, если онъ понималъ это, тѣмъ больше надобно порицать его за то, что онъ посѣщаль Академію. Онъ заслуживалъ названіе мастера наводить скуку на людей.

Вѣроятно, этими вашими соображеніями и будете вы оправдывать вашъ вопросъ. Ваши соображенія справедливы. Но вашъ вопросъ, все-таки напрасенъ.

Пусть и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что посѣщаль иногда ту Академію какой-нибудь человѣкъ, вполне заслуживавшій названія мастера скуки. Но что-жъ изъ того?—Кому было охота разсуждать съ нимъ во вкусъ, пріятномъ ему? Естественно: никто не желалъ скучать.

Конечно, иной разъ мастеру скуки удавалось собрать около себя группу для ученыхъ разсужденій, захватывая въ плѣнъ неопытныхъ, неосторожныхъ, или слишкомъ добрыхъ къ нему людей. Но—какая же и была эта группа?—Малочисленная; маловажная, сравнительно съ другими, ничего не значащая для нихъ. Да и та, не могла долго удержаться. Кругомъ, шли живые разговоры, интересные рассказы; плѣнники мастера скуки завистливо поглядывали на другія группы; кто изъ нихъ похрабрѣе, дезертировали; мастеръ скуки смущался духомъ; и пользуясь упадкомъ его мужества, остатокъ плѣнныхъ окончательно разбѣгался.

Что жъ это было для Академіи?—Смѣхъ, когда это замѣчали, а по большей

части, вѣроятно, и смѣха не было, потому что и не замѣчала того Академія. Ваши чувства относительно мастеровъ скуки похвальны. Но вы видите, что напрасно вы вспоминали объ этомъ почтенномъ классѣ людей. Не стоило того.

Совершенно иное дѣло, поговорить о тѣхъ группахъ, въ которыхъ были наиболѣе оживленные разговоры, наиболѣе занимательные рассказы. Эти группы росли; другія группы къ нимъ примыкали. Ими опредѣлялся характеръ Академіи; онѣ однѣ имѣли значеніе въ ней.—Въ нихъ, что было цѣлью разговоровъ и рассказовъ? Отдыхъ, пріятность отдыха. Какъ въ томъ сомнѣваться? Иначе не могло быть по самой сущности дѣла.

Конечно, участвуя въ этихъ разговорахъ, слушая эти разговоры, можно было, довольно часто довольно многимъ изъ бывшихъ тутъ, а иногда и большинству ихъ, узнать что-нибудь такое, чего не знали они прежде; и, почти всегда, многимъ, а не рѣдко, можетъ быть, и всѣмъ, кромѣ очень немногихъ, научиться яснѣе прежняго понимать вещи, всегда всѣмъ извѣстныя.—Если у васъ есть это предположеніе, то—противъ правды, негодится спорить; надобно признать: дѣйствительно, было такъ.

Не подлежить сомнѣнію: было это, потому что никакъ не могло не быть этого. Люди научаются, когда идетъ у нихъ обмѣнъ мыслей. Это неизбѣжно. Это непремѣнная принадлежность, ежедневный и вѣчный результатъ разговоровъ и рассказовъ отдыха. Вездѣ и всегда было такъ. И вездѣ, всегда такъ будетъ, пока будутъ существовать люди. Это законъ человѣческой природы.

Это было въ той Академіи. И, конечно, это составляло не совершенно ничтожную долю той пользы, какую получали отъ своей Академіи Аѳиняне тѣхъ временъ. Но не въ этомъ была главная польза отъ нея; и не было заботы о томъ, чтобы была отъ нея эта польза.

Да. Научились. Это было. И это было не бесполезно. Но приносило это пользу лишь потому, что не было никакой заботы о томъ, чтобы это было и приносило пользу. Забота о томъ, чтобы это было, убивало бъ это. Забота душиять отдыхъ. А гибнетъ отдыхъ, то, разумѣется, гибнетъ и всякая польза, какая была бъ отъ него; всякая, то есть, и эта, довольно важная, но не главная польза его. Онъ существуетъ лишь при отсутствіи всякой заботы; всякой, то есть, и заботы, о какой бы то ни было пользѣ отъ него. Забота о пользѣ нужна для труда, оттого что трудъ не самъ по себѣ нуженъ человѣку, а только для своихъ результатовъ. Отдыхъ нуженъ человѣку самъ по себѣ. Результаты его полезны. Но главная его польза—самое его существованіе. Цѣль труда—внѣ труда; цѣль отдыха—въ немъ самомъ.

„Нуженъ трудъ“,—неумолкаемо ни на минуту, съ утра до ночи раздается оглушительный крикъ повсюду, повсюду во всѣхъ странахъ людей англійскаго языка. Трудъ нуженъ, но нуженъ ли этотъ крикъ? Развѣ лѣнны люди англійскаго языка? Не обида ли имъ этотъ крикъ? Не бессмыслица ли онъ? Не вредная ли бессмыслица онъ? Не гораздо ли больше, чѣмъ о необходимости трудиться, склонны забывать люди англійскаго языка о томъ, что чрезмѣрный трудъ и неуспѣшенъ и гибеленъ?

Нуженъ людямъ трудъ. Да. Но и отдыхъ нуженъ людямъ. Много отдыха нужно человѣку, много.

Это помнили Аѳиняне тѣхъ временъ. И, пользовались для отдыха всѣмъ, что можетъ хорошо служить для него. И въ числѣ всего другого, садами; и, въ числѣ

другихъ своихъ садовъ, Академію. И, полезень былъ для нихъ этотъ отдыхъ, собственно тѣмъ, что онъ былъ отдыхъ.

Когда время отдыха идетъ пріятно, люди отдыхаютъ больше, отдыхаютъ лучше, нежели было бы безъ того. Этому служили разговоры и рассказы отдыха Аѳинянъ тѣхъ временъ въ ихъ садахъ, и, какъ въ другихъ садахъ, въ Академіи. Собственно тѣмъ, и были полезны.

Такова была,—отчасти, знаете вы; отчасти, предполагаете вы; отчасти, немножко, и фантазируете вы, быть можетъ:—такова была Академія славныхъ временъ Аѳинъ и время людей, въ которыхъ былъ живъ духъ славныхъ временъ Аѳинъ.

Блеска не имѣла она; не должна была имѣть его. Безъ блеска, лучше было ей быть. Безъ блеска, больше веселости въ развлеченіяхъ; и чуждается блеска отдыхъ. Безъ блеска, неэффектная, не была она знаменита. Но достойна любви, и любима она была.

То было очень давно. Обычаи цивилизованныхъ націй теперь во многомъ изъ того, въ чемъ одинаковы у всѣхъ, несходны съ тогдашними греческими. И нѣкоторыя изъ разницъ безспорно, въ честь и въ добро цивилизованнымъ націямъ нашего времени. Объ одной изъ такихъ, надобно сказать здѣсь. О какой вы знаете впередъ... Но вы согласны: надобно же сказать.

Нынѣ, у всѣхъ цивилизованныхъ націй, въ томъ числѣ и у людей всѣхъ странъ англійскаго языка, многолюдныя собранія для развлеченій и отдыха— собраніе не однихъ только мужчинъ, а людей въ цѣльномъ составѣ семействъ и семейныхъ круговъ родства, дружбы и близкаго знакомства.

По мнѣнію вашего собесѣдника, этого было бы и довольно, о нашей Академіи. Но тѣ лица, по желанію которыхъ онъ бесѣдуетъ съ вами, полагаютъ, что онъ долженъ познакомить васъ съ нею нѣсколько больше. Они ошибаются. Но и вы, по всей вѣроятности, думаете, какъ они; уступая имъ и вамъ, онъ удовлетворитъ вашему любопытству, насколько то возможно, по его мнѣнію.

Въ одной изъ тѣхъ странъ, растительность которыхъ роскошна, есть не очень длинный и не очень высокій горный хребетъ, въ которомъ много очаровательныхъ мѣстностей; въ особенности, по южному его склону.

Одна изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей этого склона—одна изъ самыхъ обширныхъ долинъ его. Въ верхнихъ, гористыхъ частяхъ ея много всякихъ, такъ называемыхъ, чудесъ природы: тамъ лабиринты скалъ яркаго цвѣта, подобныхъ своимъ очертаніями, то развалинамъ гигантскихъ зданій, то колоссальнымъ изваяніямъ; тамъ пещеры съ громадными сталактитовыми залами, амфилады которыхъ едва ли кто когда проходилъ до конца; тамъ величественныя ущелья, обрывы, стремнины, высокіе многоводные водопады. И довольно обо всемъ этомъ.

Долина богата водой. И озера ея, луга ея, рощи ея прекраснѣе всего, что можетъ мечтаться человѣку, не бывавшему въ странахъ, подобныхъ той, любимыхъ солнцемъ. Вся обширная долина—огромный натуральный паркъ.

Въ ровной, или почти ровной, лишь слегка холмистой половинѣ парка, часть мѣстности приспособлена къ удобствамъ человѣческой жизни. Это садъ нашей Академіи. Самъ по себѣ, онъ очень великъ: и въ длину, и въ ширину онъ имѣетъ по нѣсколько миль. Но онъ лишь довольно маленькая доля парка.

Въ саду нѣсколько дворцовъ, нѣсколько другихъ громадныхъ, великолѣпныхъ домовъ; нѣсколько домовъ небольшихъ и нероскошныхъ, но все таки очень хорошихъ; множество легкихъ построекъ для развлеченій и отдыха: павильоны, галлерей, открытыя колоннады съ навѣсами. Само собою разумѣется, что садъ украшенъ безчисленнымъ множествомъ статуй и всего тому подобнаго. И, довольно обо всемъ этомъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, паркъ и садъ были уступлены, по отношеніямъ родства и дружбы, во владѣніе людямъ вашего языка. Эти лица пригласили своихъ родныхъ, друзей и близкихъ знакомыхъ погостить у нихъ въ той очаровательной мѣстности того милого края дивной страны любимой солнцемъ.

Тѣмъ началось дѣло. Скоро оно получило болѣе широкое развитіе и болѣе прочный характеръ, какъ и было то предполагаемо. И, черезъ нѣсколько времени, во дворцахъ и домахъ сада поселилось многочисленное общество людей англійскаго языка; нѣкоторые изъ нихъ, не на долго, — другіе на — долго, или на — всегда.

Такъ возникла наша Академія. И, довольно этого о томъ, какъ она возникла.

Разные семейные круги нашего общества постоянно собирались, — то отдѣльными группами, то многіе, или даже всѣ вмѣстѣ — для развлеченій и отдыха, — то въ своихъ дворцахъ или домахъ; то въ боскетахъ и на полянкахъ сада, въ павильонахъ и подъ навѣсами колоннадъ или подъ открытымъ небомъ. Развлеченія были веселы, какъ знаетъ это вашъ собесѣдникъ по всеобщимъ отзывамъ. И часы отдыха, въ разговорахъ и разсказахъ безъ претензій проходили приятно, такъ онъ знаетъ по тѣмъ отзывамъ, да и самъ видѣлъ, когда бывалъ тутъ, — это, было не рѣдко, — болѣе или яснѣе невнимательнымъ и постоянно молчаливымъ слушателемъ.

Хорошо было въ нашемъ прекрасномъ саду. Будетъ ли и продолжаться такъ?

Сказать: „нѣтъ“, — не хотѣлъ бы вашъ собесѣдникъ. Сказать: „да“, было бы рисковано, думаютъ тѣ лица, по желанію которыхъ онъ бесѣдуетъ съ вами.

Во всякомъ случаѣ, первый періодъ существованія нашей Академіи закончился.

И рѣшено издать сборникъ разсказовъ, которые были импровизированы (и стенографированы) или читаны въ тѣхъ собраніяхъ, на которыя было приглашаемо все общество нашей Академіи.

Тѣ лица, которыя рѣшили издать эту книгу, недовольны этою программю книги. Они правы. Само собою понятно, что разсказы, импровизированные или читанные въ маленькихъ интимныхъ кругахъ, могли имѣть такія достоинства, какихъ странно было бы требовать или ожидать отъ романовъ или повѣстей, чѣмъ отъ необходимости были разсказы въ многолюдныхъ собраніяхъ. Понятно само собой и то, что разговоры по поводу какого нибудь романа, хотя бы и очень занимательнаго, могутъ бывать гораздо болѣе интересны, чѣмъ самый романъ.

Вашъ собесѣдникъ понимаетъ это. И не можетъ не согласиться съ мнѣніемъ лицъ, принявшихъ на себя трудъ составленія сборника, предисловіе къ которому пишетъ онъ: программа сборника очень дурна. По ней, не должно быть взято въ

книгу ни одного слова даже изъ тѣхъ разговоровъ, которые были въ собраніяхъ всего общества нашего сада, не только изъ разговоровъ болѣе интимныхъ. Это очень жаль. И не менѣе жаль, что по программѣ сборника, безусловно устранены отъ помѣщенія въ ней всякіе рассказы, кромѣ слышанныхъ всѣмъ обществомъ нашей Академіи.

Программа узка, тѣсна, она дурна, она очень дурна. Но она—единственная, возможная по мнѣнію лицъ, порицающихъ ее.

Почему она единственная, возможная, это не требуетъ поясненій, полагаетъ ее авторъ.

Книга, которая будетъ составлена по этой программѣ, будетъ несравненно менѣе хороша, нежели могъ быть сборникъ, составленный по программѣ, хоть немножко менѣе стѣснительной. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но все таки, книга будетъ хорошая. И надобно удовольствоваться тѣмъ.

Впрочемъ, дурная программа имѣетъ и хорошую сторону,—эта сторона программы та, которая обращена къ Бесѣдкѣ Скуки, *Vote Bower*.

Скрывать было бы напрасно, потому что вы не могли не предугадывать: въ саду нашей Академіи существовала Бесѣдка Скуки. Но она была безвредна для Академіи. Если собиралась иногда въ этомъ маленькомъ храмѣ жертвоприношеній въ честь богини Кабинетнаго Сора группа для ученыхъ разсужденій, то была лишь доброй уступкой со стороны нѣсколькихъ ученыхъ своеобразному характеру чело-вѣка, котораго любили они за то, что онъ, познакомившись съ ними въ Академическомъ саду, полюбилъ ихъ.

Программа говорить, что въ сборникъ не войдетъ ни одной страницы, ни одной строки изъ достохвальной груды „Трудовъ почтеннаго Общества Бесѣдки Скуки“, основателемъ Президентомъ и Единственнымъ Членомъ котораго былъ вашъ, уважаемый вами, надѣется онъ,—и скучный? — онъ знаетъ это: скучный—собесѣдникъ.

Съ отъѣздомъ его изъ Академическаго сада, Бесѣдка Скуки становилась никому въ Академіи не нужной, и вашъ собесѣдникъ настоялъ на томъ, чтобъ она была сломана.

Авторъ программы Сборника Разсказовъ Академіи —

какой?—онъ предполагаетъ, что удобнѣе всего будетъ называть нашу Академію „Академію Сада въ Паркѣ“, *Parkgarden Academy*; и такъ,

Авторъ программы Сборника Разсказовъ Академіи Сада въ Паркѣ.

То было написано вашимъ скучнымъ собесѣдникомъ при отъѣздѣ его изъ Академіи Сада въ Паркѣ. Это было два дня тому назадъ. Теперь онъ прибавить къ своему прежнему объясненію съ вами нѣсколько подробностей, которыхъ не слѣдовало бы, по его мнѣнію, сообщать вамъ.

Тотъ не очень высокій хребетъ, въ одной изъ долинъ котораго, по южному склону его, находится садъ нашей Академіи—Лазурныя Горы.

Мы—четыре семейства, отправляемся въ кругосвѣтное плаваніе.

Тѣ лица, которыя рѣшили издать этотъ сборникъ и приняли на себя трудъ составить его, провожали насъ. Пришло время разстаться намъ и съ ними. Еще двѣ, три минуты и они перейдутъ съ этой яхты на свою, чтобы плыть къ берегу и возвратиться на Лазурныя Горы.

Они требуютъ, чтобы я стенографировалъ; исполняю ихъ желаніе.

(Стенографировано).

Академія Лазурныхъ Горъ останется вѣрна своему скромному, доброму предназначенію.

Не сомнѣвайтесь въ томъ. Она останется и безъ насъ такою же чуждой претензій, скромной, доброй, какою была при насъ. И будетъ развиваться. И когда мы навѣстимъ ее,—когда нибудь навѣстимъ же мы ее, мы найдемъ, что она стала лучше, нежели была въ наше время. Это вѣрно.

Это было сказано не мною. Но и я думаю теперь точно такъ же.

Сомнѣніе было напрасно.

Наши друзья хотятъ, чтобы я сообщилъ вамъ названіе яхты, на которой остались мы, и названіе гавани, въ виду которой мы находимся.—Сообщу.—

Мало имъ и этого. Они требуютъ, чтобы я сказалъ вамъ мое имя. Исполняю ихъ требованіе.

Эльджернонь Голлисъ.

Яхта „Элида“.
Въ виду Porto Novo.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы рѣшили: расширить планъ нашего изданія, насколько это необходимо.

Мотивы, по которымъ мистеръ Голлисъ хотѣлъ, чтобы вамъ не было рассказываемо ничего о нашей Академіи, достойны всякаго уваженія. Разгадать ихъ не трудно. Мы и знаемъ ихъ, впрочемъ, только потому, что разгадываемъ. Онъ не высказывалъ намъ ихъ. Говорить о томъ, чего желалъ бы онъ или чего не желалъ бы онъ,—манера говорить, чуждая ему. Совѣтуя намъ строго держаться узкой, стѣснительной программы, которую написалъ онъ сообразно съ нашими мыслями, какія были тогда у насъ, онъ говорилъ намъ лишь о томъ, что держаться въ границахъ ея надобно намъ по сообразности ея съ нашими же собственными мыслями, въ нашихъ интересахъ. Онъ не охотникъ говорить ни о себѣ, ни о своихъ желаніяхъ и, тѣмъ болѣе, не охотникъ говорить о своихъ чувствахъ. А тутъ, дѣло въ чувствахъ.

Мы уважаемъ чувства мистера Голлиса. Но что необходимо для нашего изданія, то необходимо.

Мы считаемъ необходимымъ разсказать вамъ о томъ, какъ возникла наша Академія. Рядъ разсказовъ объ этомъ составитъ первую часть нашего сборника.

Я, по лѣтамъ, старшій въ нашемъ семейномъ кругу родства и дружбы. Поэтому всѣ наши говорили, что я долженъ подать имъ примѣръ. И первымъ разсказомъ будетъ мой.

Я разскажу о томъ, какъ я познакомился съ тѣми лицами, отъѣздъ которыхъ изъ нашего сада заставляетъ насъ и все общество нашего сада сомнѣваться, уцѣлѣтъ ли наша Академія.

Уильямъ Фуллеръ.

ОБѢДЪ ВЪ КРИСТАЛЬНОМЪ ДВОРЦѢ.

Разсказъ Уильяма Фуллера.

Въ одномъ изъ четверговъ второй половины іюля прошлаго года, — по справкѣ вижу: 23 іюля, — былъ праздникъ въ Кристальномъ Дворцѣ; большой праздникъ; и билеты были дорогіе: помнится, по полу-кронѣ; такъ ли — негдѣ мнѣ справиться: цѣна въ моемъ дневникѣ не отмѣчена. Но то вѣрно, что цѣна была дорогая.

Тѣмъ больше было радости дочери одной изъ моихъ племянницъ, моей любимицѣ — Джени, когда я объявилъ ей за завтракомъ, что я повезу ее въ Кристальный Дворецъ.

Я, по мнѣнію Джени, былъ богачъ, но скупъ. Богачъ я и, дѣйствительно, былъ, по сравненію съ ея отцомъ, хозяиномъ крошечной лавочки всякой мелочи, покупаемой на пенсы. И скупъ для Джени я тоже, дѣйствительно, былъ, по сравненію ничтожности моихъ подарковъ ей съ моей нѣжностью къ ней. Какъ у всякаго истиннаго Англичанина, у меня счета нѣтъ роднѣ. И были семейства или сироты, поддержка которымъ отъ меня была необходимѣе, чѣмъ подарки моей Джени. — Моя была Джени потому, что на моихъ глазахъ росла она съ четырехъ лѣтней своей поры. Вотъ уже больше, нежели шестнадцать лѣтъ было, что я, старый холостякъ, сталъ жить вмѣстѣ съ Джозефомъ Гэльзомъ и Анною Гэльзъ. На половину мною была вынянчена моя любимица.

Скупой богачъ оставляетъ любимицу безъ хорошихъ нарядовъ — можно ли было ей любить меня? А она любила меня всей душой.

Добрая была дѣвушка моя Джени, это ужъ кромѣ шутки. Она сама признавала, что у нея доброе сердце. Но непоколебимо было ея убѣжденіе, что она дѣвушка легкомысленная. Она любила книги, музыку, театръ; а это, разсуждала она, очень дурно для дочери такихъ небогатыхъ людей, какъ ея отецъ и мать. Это трата времени. А бывать въ концертахъ, въ театрѣ — трата и денегъ, не только времени. Да и наряды при этомъ нужны, все такъ, хоть какіе нибудь. Нельзя быть тамъ, одѣтой по домашнему. Но книги, хоть онѣ стоятъ только двѣ кроны въ годъ, — мы съ Джени были абонированы у Мьюди¹⁾ компанією, вдвоемъ, платя по-поламъ, хотя и обходятся такъ дешево; книги убыточнѣе всего: столько времени отнимаютъ онѣ. А время — деньги. Умная дѣвушка была моя Джени.

¹⁾ Въ рукописи на поляхъ сдѣлана слѣдующая помѣтка:

„Мьюди, Mudie, громаднѣйшая изъ англійскихъ фирмъ, выдающихъ книги для чтенія“.

Но, при ея умѣ, какъ же не понимала она, что я не богачъ и не скупецъ?— Люди, для которыхъ пять фунтовъ— крупная сумма, не могутъ, ни при какомъ умѣ, сосчитать: сколько это денегъ— полторы тысячь фунтовъ въ годъ? эта сумма безпредѣльно громадная, нестоимая кажется имъ и никто не зналъ, куда уходятъ мои громадныя деньги. Это открылось ужъ только послѣ. Я разкажу вамъ, какъ я былъ уличенъ и кѣмъ. Это было дѣло трудное прочесть на моемъ стариковскомъ загрубѣломъ лицѣ, не выдающемъ моихъ чувствъ, если я не хочу,— прочесть на немъ всѣ мои тайны. Я думалъ, что это вещь невозможная.

Скупецъ я былъ для всѣхъ, даже и не знавшихъ, что я живу у Джозефа Гельза, хозяина нищенской лавки, товара, продающагося по пенсамъ, и что жена Джозефа, Анна Гельзь, моя племянница, и что я плачу имъ за квартиру и столъ почти не больше того, сколько платилъ бы всякій посторонній жилецъ. А кто зналъ это, всѣ осуждали меня.

Но осуждали меня общіе знакомые мои и Гальзовъ, только за то, впрочемъ, что я не даю побольше денегъ Аннѣ Гальзь на наши домашніе расходы. А за то, что я не помогаль Джозефу Гальзу обзавестись торговлею пошире, никто не порицалъ меня, кромѣ самого Джозефа Гальза. Его торговля была въ убытокъ. Будь шире торговля, больше убытка было бы отъ нея. Сама Анна Гальзь судила объ этомъ правильно, хотя вступалась за мужа, когда осуждали его посторонніе люди. Онъ давалъ въ кредитъ всѣмъ, кого видѣлъ нуждающимся. Правду сказать, я любилъ Джозефа Гальза не меньше, нежели мою племянницу. Но и отъ Анны Гальзь я утаивалъ, что, въ сущности, я не имѣю ничего противъ ея сострадательности къ людямъ, болѣе бѣднымъ, чѣмъ описано. Не дѣлать ей наставленій о необходимости быть экономной, то она раззорила бы меня. Это серьезно. Оба они были безгранично добрые люди. Сколько денегъ ни давайте такимъ людямъ, пользы имъ никакой не будетъ. Эти люди— бочка Данаидъ.

Вы видите, каковъ старикъ Уильямъ Фуллеръ по части учености? Онъ и бочку Данаидъ знаетъ. Онъ все знаетъ, повѣрьте. Учился онъ мало. Лѣтъ до тридцати оставался почти безграмотнымъ. Но онъ и тогда понималъ, что книги— вещь хорошая. И вотъ, ужъ больше нежели сорокъ лѣтъ, онъ усердный читатель.

Дженни отъ меня и получила это свое легкомысліе, любовь къ чтенію. И горько упрекала меня за то. Но въ другихъ двухъ легкомысленныхъ ея склонностяхъ, я не былъ виноватъ, даже и по ея собственному признанію: „это уже врожденныя мои слабости— музыка и театр“, говорила она.

Это были слабости, требовавшія нарядовъ. И я не покровительствовалъ имъ, вообще говоря. Но изрѣдка— нельзя же: бывали мы, я и Дженни, въ театрахъ. А въ Кристалльномъ Дворцѣ даже часто... Но въ дешевые дни. На праздникахъ, въ немъ и прежде бывали рѣдко, а теперь, передъ тѣмъ, о которомъ началъ я говорить, были пропускаемы нами всѣ праздники, вотъ уже больше полгода. Это было воля Дженни. Ей шель двадцать первый годъ. Пора ей было начать исправляться отъ легкомыслія. Мы съ нею знали, какъ исправилъ себя отъ всѣхъ своимъ пороковъ Бендди Эмиль Франклинъ. Бороться со всѣми вдругъ, не сладить, вздумалъ онъ: буду браться за нихъ поочередно, стану искоренять одинъ какойнибудь; и лишь когда совсѣмъ искореню его, возьмусь за другой. Благодаря этому методу, исправленіе пошло успѣшно, говоритъ онъ.

Я очень уважаю Франклина. Стало быть, привыкла уважать его и Дженни.

Разсудивши, что пора ей исправиться потому, что ей исполнилось двадцать лѣтъ, она почувствовала тоже, какъ Франклинъ, что всѣхъ своихъ дурныхъ склонностей вдругъ не одолѣетъ, и начала исправленіе съ одной изъ нихъ, съ праздниковъ въ Кристалльномъ Дворцѣ. Они были вреднѣе всякаго другого ея легкомыслія, кромѣ книгъ; вреднѣе даже театра. Не вечеръ, а день; и свѣтло, какъ подъ открытымъ небомъ. Въ оперу легче идти въ старомъ платьѣ, чѣмъ ѣхать на праздникъ въ Кристалльный Дворецъ. И просила меня Дженни не покупать билетовъ на праздники въ немъ.

Полгода слушался я. Но смѣшно стало мнѣ наконецъ и 23 іюля, за завтракомъ, я выложилъ передъ исправляющеюся дѣвушкою два билета.

О удивленіе! О, восторгъ!—Но и печаль. Даже не одна печаль, — двѣ. Исправленіе испорчено, это прискорбно. Но хуже того: нѣтъ новаго платья. Всѣ тѣ полгода не дарилъ я ей ничего на наряды. И была теперь въ душѣ Дженни борьба такая мучительная, какой не испытывалъ ни Франклинъ, ни кто изъ мужчинъ.

Отдать билеты назадъ въ магазинъ, гдѣ я купилъ ихъ? Или ѣхать въ старомъ платьѣ? Горевала Дженни долго надъ этой альтернативой. Наконецъ, положеніе дѣла стало безнадежнымъ: „теперь ужь не возьмутъ у меня билеты назадъ; поздно“, — сказалъ я.

И поѣхала со мною Дженни на праздникъ въ старомъ платьѣ. О покупкѣ новаго не могло быть рѣчи. Я такой скупецъ.

Жаль мнѣ было. Едва, едва не завелъ я Дженни по дорогѣ къ омнибусу въ магазинъ, гдѣ наряжать хотъ тысячу дѣвушекъ, а не то, что одну, въ десять минутъ. Но, нѣтъ, хорошо и это платье, хотъ и не новое оно. Не думайте, будто меня только считали скупымъ, не зная моихъ секретовъ. Я, и дѣйствительно, былъ скупъ до пятидесяти пяти лѣтъ. Иначе, какъ же нажилъ бы я столько денегъ? И, черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ того, я все еще чувствую отголоски прежнихъ моихъ мыслей: „всякій фарзингъ издержки сверхъ необходимаго — мотовство“. Но и кромѣ того: развѣ не тратилъ я на Дженни гораздо больше денегъ, чѣмъ слѣдовало бы по совѣсти?

Я подумалъ: „нѣтъ, и безъ новаго платья тебѣ много у меня на совѣсти изъ-за моей любви къ тебѣ“, — и будто не замѣтилъ, какъ взглянула она украдкой на окна того магазина.

Черезъ пять минутъ, Дженни забыла о немъ. Умная была дѣвушка. — А пока доѣхали мы до Кристалльнаго Дворца, успѣлъ стать веселье и я, не говоря уже о ней.

О, блескъ, больше полугода не виданный! Не то, что о своемъ нарядѣ, и о себѣ самой забыла Дженни. — А когда началась музыка, забылъ и я.

— Сэръ, позвольте мнѣ отвлечь васъ отъ вашего наслажденія музыкою. Я имѣю надобность нѣсколько познакомить васъ со мною, — и вотъ моя карточка.

Подымаю глаза: стоитъ передо мною широкоплечій гигантъ, только плохъ теперь этотъ гигантъ: много покривился на правый бокъ и лицо изможденное; двадцатью годами онъ моложе меня, вижу я, двадцатью годами онъ дряхлѣе меня. — Взглянулъ я на карточку: „бывшій полковникъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, медикъ Джоржъ Гринфильдъ“.

(На этомъ рукопись прерывается. Далѣе былъ приложенъ отдѣльный листокъ, озаглавленный):

Для облегченія правильности набора и корректуры.

Приложеніе къ первымъ листкамъ бѣловой рукописи „Академіи Лазурныхъ Горъ“, въ дополненіе къ мелкимъ замѣткамъ, какія сдѣланы на поляхъ рукописи карандашомъ.

Моя ортографія кое въ чемъ, быть можетъ, отличается отъ принятой „Вѣстникомъ Европы“. Не знаю хорошенько, такъ ли это. Я не обращаю вниманія на такой вздоръ, читая книги. — Но если такъ, то не можетъ же журналъ мѣнять ортографію по статьямъ. Само собою разумѣется, для меня всякая моя ли, чужая ли, ортографія — совершенно все равно.

Важны лишь, въ нѣкоторыхъ констукціяхъ фразъ, знаки препинанія, потому что ими отдѣляется тотъ или другой колоритъ смысла фразы. Я отмѣчаю на поляхъ рукописи, гдѣ своеобразность моихъ знаковъ препинанія — не недосмотръ мой, или ошибка моя, а дѣйствительное пособіе для правильной колоризаціи произношенія, то есть, характера фразы.

Транскрипція англійскихъ именъ у меня, быть можетъ, тоже, не сходится съ правилами транскрипціи Вѣстника Европы. Да я и не умѣю выговорить правильно ни одного англійскаго слова. Я знаю англ. языкъ насколько лишь существуетъ онъ для зрѣнія, въ видѣ печатныхъ страницъ. Выговора словъ я не знаю, въ большей части словъ. А собственно англійскій способъ выговора звуковъ, и вовсе неизвѣстенъ мнѣ.

Слѣдовательно, мою транскрипцію англійскихъ именъ, невозможно руководиться при чтеніи корректуры. И я помѣщаю здѣсь англійскія формы именъ рядомъ съ моею транскрипцію, чтобъ она могла быть исправлена, если она или не сходна съ транскрипцію Вѣстника Европы, или ошибочна.

Дензиль Эліотъ (Эліотъ, одно *л*; не два *л*) Denzil Eliot. Eliot; а не Elliott или Elliot; пишется всячески; но я пишу Eliot. Такъ пишетъ тотъ англійскій романистъ, любимый русскою публикою, фамилію котораго я пользуюсь.

Эльджернонь Голлисъ — Algernon Hollis

Уильямъ Фуллеръ — William Fuller

Дженни, Анна, Джозефъ, — всѣ Гальсъ — Jenny Hales, Anna, Joseph Hales.

Джорджъ Гринфильдъ — George Greenfield.

Замѣтка для тебя, мой милый Сашенька, и для Стасюлевича.

Заглавіе перваго разказа

„Обѣдъ въ Кристалльномъ Дворцѣ“.

Натурально, я не знаю, можно ли вообще обѣдать въ самомъ Кристалльномъ Дворцѣ, или тамъ только можно имѣть чашку чаю, рюмку вина, а обѣдать уходить въ примыкающія къ нему гостинницы.

Но—я умѣю помнить, въ чемъ состоятъ безчисленные пробѣлы моего знанія по каждому обыденному дѣлу. И, я всегда выставляю впередъ обстоятельства, при которыхъ необходимо правилень мой разказъ о ходѣ дѣла. Такъ, напримѣръ, и по этому дѣлу объ обѣдѣ.

Этотъ обѣдъ—желаніе нѣсколькихъ дамъ изъ самой высокой аристократіи. По просьбѣ мужа одной изъ нихъ, отъ имени всѣхъ ихъ,—распорядители Кристалльнаго Дворца съ удовольствіемъ устраиваютъ, разумѣется, великолѣпнѣйшій импровизированный обѣденный залъ во Дворцѣ, — залъ исключительно для этого обѣда.
